

надлюдни, настав час проголосити «Бог помер» – стали в європейській культурі символами бунту проти міщанської культури й увійшли у загальний дискурс європейської неklasичної філософії.

Список використаних джерел

1. Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. – М.: Искусство, 1963. – 311 с.
2. Давыдов Ю. Н. Эстетика нигилизма. – М.: Искусство, 1975. – 271 с.
3. Микушевич В. Ирония Фридриха Ницше // Логос. – 1993. – №4. – С.199–203.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т.: Пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – С.47–157.
5. Ницше Ф. Странник и его тень // Ницше Ф. Избранные произведения: В 3 т.: Пер. с нем. – М.: REFL-book, 1994. – Т.2. – С.270–399.

References

1. Asmus V. F. Nemetskaya estetika XVIII veka. – M.: Iskusstvo, 1963. – 311 s.
2. Davydov Yu. N. Estetika nigilizma. – M.: Iskusstvo, 1975. – 271 s.
3. Mikushevich V. Ironiya Fridriha Nitsse // Logos. – 1993. – №4. – S.199–203.
4. Nitsse F. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki // Nitsse F. Sochineniya: V 2 t.: Per. s nem. – M.: Myisl, 1990. – T.1. – S.47–157.
5. Nitsse F. Strannik i ego ten // Nitsse F. Izbrannyye proizvedeniya: V 3 t.: Per. s nem. – M.: REFL-book, 1994. – T.2. – S.270–399.

Geiko S. M., PhD, Associate Professor of Philosophy at the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), svetageiko@rambler.ru

Almashi O. I., student of Education and Research Institute of Forestry and Park Gardening, National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), svetageiko@rambler.ru

The problem of nihilism in philosophy of Nietzsche

The article is devoted to philosophical research of irony category, which is proposed to review as cultural context figure, representing the substitution of existing sense by hidden one, and fixing the interruption of common perception or communication and intention to sense creation renewal. The transformation of sense in different cultural paradigms allows revealing of such fundamental features of ironical discourse as reflectivity, contrariety, axiologity. The strict definition of culturological and aesthetical terms, close to irony, their specific and interrelation, reveals the content of this cultural universal term. The holistic historical and cultural understanding of irony, as human conscience position and human being existential, which indicates to possibility of its 'further establishment, is proposed into article.

The cultural transformations of irony term reveal the genesis of its 'philosophical content. The classical metaphysics understood irony as methodological strategy of knowledge acquiring, but modern modality philosophy underlines its 'human measured content.

Keywords: nihilism, pessimism, voluntarism, irony, non classical characteristic of irony, existential.

Гейко С. Н., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природоиспользования України (Україна, Київ), svetageiko@rambler.ru

Алмаши О. І., студентка ННІ лісного і садово-паркового господарства, Національний університет біоресурсів і природоиспользования України (Україна, Київ), svetageiko@rambler.ru

Проблематизация нигилизма в философии Ф. Ницше

Исследована философия Ф. Ницше. В своей критике абсурдности традиционной системы ценностей философ руководствовался нигилистическим стремлением разрушить ее как устаревшую и выстроить другую, которая, по его мнению, больше соответствует реальной жизни. Нигилистическая ирония Ницше является примером крайнего разочарования и субъективного разрушения устоявшихся метафизических систем. Такое понимание раскрывает черты модернистской иронии.

Ключевые слова: нигилизм, пессимизм, волюнтаризм, ирония, неклассическое понимание иронии, экзистенциал.

* * *

УДК 111.82

Ковалец М. С.,
аспирантка кафедры философии,
Днепропетровский национальный университет им. О.
Гончара (Украина, Днепропетровск),
m-kovalets@rambler.ru

ПРИНЦИП НЕОБХОДИМОСТИ КОНТИНГЕНТНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КВЕНТИНА МЕЙЯСУ

Проанализированы взаимоотношения трех видов необходимости в работе Квентина Мейясу «После конечности». Задача: раскрыть конститутивные аспекты замещения принципа абсолютной необходимости догматической философии на контингентность новой метафизики Мейясу в силу нивелирования корреляционизмом в спекулятивном реализме. Методология относится к принципам историчности и компаративности. Рассматривается абсолютная необходимость, ее дальнейшее замещение контингентностью Мейясу, и логической необходимостью, что приводит к раскрытию фактичности как новой реальности.

Ключевые слова: абсолютная необходимость, контингентность, логическая необходимость, спекулятивный реализм, корреляционизм, фактичность.

(статья друкується мовою оригіналу)

Актуальность рассмотрения принципа необходимости в спекулятивном реализме связана с его трансформацией в принцип контингентности из-за отрыва от корреляционизма. Корреляционизм постулирует невозможность мышления о реальном объекте, не подразумевая одновременно субъективного восприятия (сознание, язык) данного объекта. Корреляционизм не совместим с реализмом. По существу, под гнетом корреляционизма находится вся классическая философия, которая закрывает доступ к реальности как таковой, (что имеется в виду под реальностью, упущено у Мейясу). Так как мы можем описать реальность саму по себе, не принимая во внимание значения, что мы ей приписали, то наше отношение должно быть к ней более наивно или же спекулятивно.

Проблематика касающаяся основополагающего принципа спекулятивного реализма представлена в следующих работах: принцип необходимости существования абсолюта упоминается в «Первоначалах философии» Р. Декарта, далее в таких трудах Д. Локка как «Опыты о законе природы» и «О нашем познании бытия Бога», далее особое влияние на контингентность Мейясу имеет работа Д. Юма «Трактат о человеческой природе», в свою очередь, о необходимости в связи с универсальным субъектом также пишет И. Кант в «Критике чистого разума». Также о необходимости в мистическом русле пишет в своих «Сочинениях» Ф. Шеллинг, а о необходимости тождественной судьбе представлено в «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля. О контингентности и логической необходимости речь идет непосредственно в работе К. Мейясу «После конечности: эссе о необходимости контингентности». Предмет данного исследования: трансформация принципа необходимости от абсолютного к логическому. Объект: постулирование о необходимости контингентности в философии Квентина Мейясу. Задача: раскрыть конститутивные аспекты замещения принципа абсолютной необходимости догматической философии на контингентность новой метафизики Мейясу в силу нивелирования корреляционизмом в спекулятивном реализме. Методология относится к принципам историчности и компаративности.

В предисловии к «После конечности» Мейясу, Алан Бадью разъясняет читателю, что в спекулятивном реализме на весах лежат два вида необходимости: с одной стороны, абсолютная логическая необходимость,

с другой, радикальная контингентность. Бадью пишет: «Продолжая линию Канта, Мейясу сохраняет необходимость, при этом добавляет логическую необходимость. Но отсылаясь к Юму, он говорит о том, что нет никаких оснований для необходимости законов природы. Его доказательство состоит в том, что есть всего одна абсолютная необходимость – то, что законы природы контингентны. Данное понимание приводит к критическому расколу эмпирического конституирования и трансцендентального. Точнее, Мейясу задает новый путь в истории философии – различие между догматизмом, скептицизмом и критицизмом. Мы располагаем логической необходимостью и радикальной контингентностью» [9, с. 6].

Декарт в «Первоначалах философии» утверждает: «Правильное заключение о существовании Бога вытекает из того, что в нашем понятии Бога содержится необходимость его существования» [2, с. 319]. В своем труде «Опыты о законе природы» Локк оговаривает принцип необходимости в качестве гаранта присутствия Бога. Суть закона природы состоит в необходимости подчиняться ему «жить согласно с природой». И в работе «О нашем познании бытия Бога» также утверждает, что «человек знает, что ничто не может произвести нечто сущее, следовательно, существует нечто вечное... Все, что приказал человек, или все, что повелел бог своим оракулом, все это – установленный закон; закон же природы, коль скоро он не может быть познан путем традиции, может быть познан людьми только с помощью светоча природы» [4, с. 16]. Следовательно, Локк, как и Декарт, приходит к выводу, что необходимо должен существовать мудрый создатель, сотворивший все на Земле, так как все не могло образоваться случайно. Данной точке зрения противостоит Мейясу, так как принцип контингентности настаивает на том, что все имеет возможность произойти случайно. Данная точка зрения базируется на понимании необходимости Юмом. Дэвид Юм в «Трактате о человеческой природе» сформулировал необходимость законов природы, которые являются первичным источником всего того, что мы знаем или мыслим о мире, следовательно, на этих представлениях и базируется наш опыт. Автор пишет: «Существует один род необходимости, и что нет никакого различия между моральной и физической необходимостью в природе. Это ясно из вышеприведенного объяснения необходимости. Физическая необходимость состоит в постоянном соединении объектов и в принуждении ума, а отсутствие этих условий равносильно случайности» [7, с. 224]. Мейясу близко понимание необходимости Юмом, именно ему он и посвятил одну из своих глав в своей основной работе. Далее, Шеллинг пишет о том, что абсолютная необходимость тождественна с абсолютной свободой: «... достигая абсолютна, все противоборствующие принципы, все противоречивые системы становятся тождественными... Представляя абсолют реализованным (существующим), он тем самым делает его объективным ... конечному субъекту остается только одно – уничтожить себя в качестве субъекта, чтобы посредством самоуничтожения стать тождественным этому объекту» [6, с. 79–80]. Шеллинг отдается воображению и мистицизму, что нивелирует философию как строгую науку о познании. Кант же, отсылаясь к Юму, также утверждает, что все знаниями, что мы располагаем, даны

нам из опыта. Он говорит о математической форме данных законов, и о том, что необходимость не может возникнуть из нашего чувственного опыта, она должна иметь иной источник, который Кант именуется универсальным субъектом или же трансцендентальным субъектом. Кант пишет: «В виду этого необходимо допустить причинность, благодаря которой нечто происходит таким образом, что причина его не определяется в свою очередь никакой другой предшествующей причиной по необходимым законам, иными словами, необходимо допустить абсолютную спонтанность причин – [способность] само собой начинать тот или иной ряд явлений, продолжающийся далее по законам природы, стало быть, трансцендентальную свободу, без которой даже и в естественном ходе вещей последовательный ряд явлений на стороне причин никогда не может быть завершен» [3, с. 280]. По Мейясу, философская система Канта закрывает доступ к реальности, поскольку он считает вещь–в–себе непознаваемой. Полагается, что сознание с его значениями, никогда не сможет обойти догматических законов объективности, в то время как Мейясу хочет доказать, что внешний мир свободен от субъекта. Таким образом, это чистый объективизм, который имеет правдоподобность лишь в научном объяснении. Квентин Мейясу начинает свои размышления с доказательства абсолютной необходимости через идеального Бога, выдвинутого Рене Декартом. Это не только необходимость–для–нас, это в первую очередь, необходимость–в–себе. Абсолютная необходимость всегда таковой является лишь–для–нас, но необходимость не всегда абсолютна, а значит контингентна. Итак, автор пишет: «Контингентность выражает индифферентность физических законов по отношению к происходящему событию, они лишь берут участие в целостности его появления, существования и умирания. Но, фактичность (логический принцип, по Мейясу), в противовес контингентности, относится к тем структурным инвариантам, что способны управлять миром, инварианты, которые могут отличаться своим проявлением в различных вариантах корреляционизма, но функция, которых является обеспечением минимального представления: принцип причинности, формы восприятия, логические законы и т.д. Эти структуры устойчивы, неизменны, а в случае логических законов, даже невозможно представить их модификацию. Таким образом, я не могу представить себе то, что противоречит или не тождественно самому себе» [9, с. 66–67]. Следовательно, мы должны понимать различие между, во–первых, внутри мирской контингентностью, что является предикатом для всего, что может быть и не быть, происходить или не происходить внутри мира, – без нарушения инвариантов языка и представлений, в которых мир дан нам. И, во–вторых, фактичностью этих инвариантов, которые являются показателем нашей неспособности установить необходимость или контингентность. Далее Мейясу пишет: «Фактичность – это не объективная реальность. Это сам факт мировой логичности, его данности в представлении и языке, что уклоняется от логических структур и причинности. Фактичность граничит на том уровне существования, где невозможно утверждать, что нечто существует, а скорее граничит на грани исчезновения. Фактичность, таким образом, помогает нам постичь понятие «возможности» (possibility), которая находится в сердцевине понимания

мира как такового» [9, с. 68]. Автор указывает, что необходимо взять в кавычки термин «возможность», так как то, что является частью фактичности и действует внутри ее реальности, говорить, скорее, стоит не о возможности как таковой, а скорее о нашей неспособности установить ее невозможность. Эта «возможность» не способна воспроизвести положительное знание, это знак (гарант) присущей нам конечности, а также мира (несмотря на то, что он не имеет физических ограничений). В фактичности ничто не имеет гаранта быть абсолютно возможным, ничто не имеет рационального основания и для абсолютной невозможности в противоречивой реальности, другим словами, фактичность – это не причинность, это отсутствие причины. Возвращаясь к контингентности, французский философ продолжает: «Контингентность – это экземпляр знания, знания об определенном предмете. Например, я знаю, что эта книга может быть уничтожена, даже если я и не знаю, где и когда это разрушение может произойти – будь-то в скором времени разорвана ребенком или покроется плесенью спустя десятки лет» [9, с. 89]. То есть, не существует причины, почему это так необходимо. Все имеет возможность быть или не быть, или быть иным. Время – это то, что способно уничтожить любой физический закон. Наивно рассматривать вечность, как абсолютное. Время потенциально разрушает все. Мы находимся в области абсолютной необходимости случайности всего. Это случайность непредвиденных обстоятельств. Ранее, Пригожин и Стенгерс в своей работе «Порядок из хаоса» установили взаимосвязь между необходимостью и случайностью. Они полагают, что когда система достигает критического момента – точки бифуркации, то здесь невозможно точно предсказать на какой путь развития выйдет система. Также, значительно на принцип контингентности Мейясу повлиял спекулятивный подход Гегеля. Пригожин пишет: «Философия природы Гегеля имеет космические масштабы» [5, с. 139]. Не то же самое можно сказать про воззрения Мейясу? В «Феноменологии духа» 4 томе Гегель пишет о необходимости, которая является синонимом феномена судьбы, как чистого понятия. Мыслитель пишет: «Необходимость есть эта прочная связь ... и это абсолютное соотношение и абстрактное движение составляют необходимость. Единичная лишь индивидуальность, которая своим содержанием имеет сначала только чистое понятие разума, место того чтобы покинуть мертвую теорию и погрузиться в жизнь, скорее, таким образом, погрузилась только в сознание собственной безжизненности и достается себе лишь в качестве пустой и чуждой необходимости, в качестве мертвой действительности» [1, с. 194–195]. Самосознание у Гегеля, это та реальность, которую подразумевает Мейясу под понятием «фактуальности». С точки зрения, Кирилла Чепурина: «... можно провести параллель между гегелевским понятием духа (Geist) и контингентностью Мейясу как возможности быть иным по отношению к Абсолюту. Несмотря на то, что Бог мертв, божественное является вместилищем духа для Гегеля, и контингентности для Мейясу. Их вызов состоит в том, что событие воскресения Бога является возможным. Мейясу так и пишет, что Бог больше не существует, но возможно, что он возникнет в будущем, он называет этот феномен «божественным несуществованием». Событие воскресения (Resurrection)

реально». Принцип контингентности это принцип не-причинности – все имеет возможность быть иным без причины (reason, что у Гегеля понимается под понятием Verstand) [8, с. 3–4]. Автор статьи считает, что триадическая структура восхождения субъективного духа Гегеля приводит к воскрешению абсолютного духа – возможности быть иным, как и в контингентности Мейясу. Всех мыслителей связывает поиск подхода к устройству реальности, но ни один не сумел описать реальность саму по себе.

Таким образом, об абсолютной необходимости шла речь у таких философов как Р. Декарт, Д. Локк, Д. Юм, И. Кант, Г. Ф. В. Гегель, Ф. В. Й. Шеллинг. В философии Квентина Мейясу абсолютная необходимость трансформировалась в контингентность, в основание которой заложен феномен случайности. Параллельно с контингентностью сосуществует, по Мейясу, логическая необходимость – не имеющая фундаментальных оснований для законов природы, которые имеют возможность (потенцию) изменяться, а не быть константой. Абсолютность непредвиденных обстоятельств или контингентность – обозначает чистую возможность, которая никогда не будет реализована. Мы не знаем, будет или не будет завтра существовать наш мир, но это реальная возможность, которая может возникнуть без причины. Причина, по которой мы рассуждаем в конечном итоге о разрушении, а не о бесконечном сохранении кроется в нашей субъективности. Человек находится между двух миров – миром свободы, что олицетворяет контингентность, и миром природы или же логической необходимостью. Следовательно, эмпирическое и трансцендентальное конституирование выступают как точка отсчета развития современной мысли. Только законы природы – абсолютно необходимы и контингентны. Данный взгляд задает новую парадигму развития метафизической мысли в истории философии.

Список использованных источников

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Сочинения Том IV. – М.: Изд. соц.-эк. л.-ры., 1959. – 437 с.
2. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т.1. – 654 с.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1994.
4. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т.3 / Ред. и сост. авт. примеч. А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
6. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т.1 // Сост., ред., авт. вступ. ст. А. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – 637 с.
7. Юм Д. Сочинения в 2 т. Т.1 // Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Вступ. ст. А. Ф. Грязнова; Примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М.: Мысль, 1996. – 733 с.
8. Chepurin K. Geist, Contingency and the future of god: Hegel and Meillassoux // Basic research program. Working papers. Series: Humanities WP BRP 16/HUM/2013. – 17 p.
9. Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency // Q. Meillassoux. – London: Continuum, 2008. – 212 p.

References

1. Gegel' G. V. F. Fenomenologija duha // Sochinenija Tom IV. – М.: Изд. soc.-jek. l.-ry., 1959. – 437 s.
2. Dekart R. Pervonachala filosofii // Sochinenija v 2 t. – М.: Mysl', 1989. – T.1. – 654 s.
3. Kant I. Kritika chistogo razuma // Kant I. Sochinenija v shesti tomah. – М.: Mysl', 1994.
4. Lokk Dzh. Sochinenija: V 3 t. / Per. s angl. i lat. T.3 / Red. i sost., avt. primech. A. L. Subbotin. – М.: Mysl', 1988. – 668 s.

5. Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy: Per. s angl. / Obshh. red. V. I. Arshinova, Ju. L. Klimontovicha i Ju. V. Sachkova. – M.: Progress, 1986. – 432 s.
6. Shelling F. V. J. Sochinenija v 2 t.: Per. s nem. T.1 // Sost., red., avt. vstup. st. A. Gulyga. – M.: Mysl', 1987. – 637 s.
7. Jum D. Sochinenija v 2 t. T.I // Per. s angl. S. I. Cereteli i dr.; Vstup. st. A. F. Grjaznova; Primech. I. S. Narskogo. – 2-e izd., dopoln. i ispr. – M.: Mysl', 1996. – 733 s.
8. Chepurin K. Geist, Contingency and the future of god: Hegel and Meillassoux // Basic research program. Working papers. Series: Humanities WP BRP 16/HUM/2013. – 17 p.
9. Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency // Q. Meillassoux. – London: Continuum, 2008. – 212 p.

Kovalets M. S., PhD student, Department of Philosophy, Dnipropetrovsk National University Honchar (Ukraine), Dnepropetrovsk, m-kovalets@rambler.ru

The principle of the necessity of contingency of Quentin Meillassoux's philosophy

The three types of necessity are analyzed in the work by Quentin Meillassoux «After finitude». The objective: to disclose the constitutive aspects of substitution of the principle of absolute necessity in the dogmatic philosophy on Meillassoux's contingency in the new metaphysics, because of grading of correlationism in speculative realism. The methodology relates to the principles historicity and comparativity. The absolute necessity, its further substitution by contingency of Meillassoux and logical necessity, is observed. This leads to exposure of facticity as new reality.

Keywords: absolute necessity, contingency, logical necessity, correlationism, facticity.

Ковалець М. С., аспірантка кафедри філософії, Дніпропетровський національний університет ім. О. Гончара (Україна, Дніпропетровськ), m-kovalets@rambler.ru

Принцип необхідності контингентності у філософії Квентіна Мейясу

Проаналізовано взаємовідношення трьох видів необхідності у роботі Квентіна Мейясу «Після кічності». Мета: розкрити конститутивні аспекти заміщення принципу абсолютної необхідності догматичної філософії на контингентність нової метафізики Мейясу, у зв'язку з відмовою від кореляціонізму у спекулятивному реалізмі. Методологія стосується принципів історичності та компаративності. Розглядається абсолютна необхідність, її подальше заміщення контингентністю Мейясу, та логічною необхідністю, що призводить до розкриття фактичності як нової реальності.

Ключові слова: абсолютна необхідність, контингентність, логічна необхідність, спекулятивний реалізм, кореляціонізм, фактичність.

* * *

УДК 1(091)«19»

Ковальчук Ю. В., аспірантка кафедри історії філософії, Львівський національний університет ім. Івана Франка (Україна, Львів), julia_kovalchuk91@gmail.com

СЬОРЕН К'ЕРКЕГОР ЯК ВІРТУОЗ ФІЛОСОФІЇ ЛЮБОВІ

Метою дослідження є аналіз тлумачення феномену любові як визначального фактору формування і розвитку людської особистості в рефлексії Сьорена К'еркегора, предтечі екзистенціалізму. Дослідження здійснюється даного феномену через стадіальну концепцію філософа: любов як миттєвість на естетичній стадії, любов як екзистенція дія на естетичній стадії, любов як парадокс на релігійній стадії. Аналізується розрізнення данським мислителем двох типів любові: любов-спогад і любов-повторення. Основні методи, які використовувалися при дослідженні даної проблематики, були метод компаративістського аналізу, герменевтичний та діалектичний методи. У статті доведено, що: любовна ситуація як у житті, так і у філософії «данського Сократа» зумовлює становлення неповторної індивідуальної екзистенції; естетичне начало не виключається етичним, але набуває відносного значення у житті; істинне повторення відбувається лише на релігійній стадії.

Ключові слова: феномен любові, екзистенція, вибір, повторення, відчай, абсурдна віра.

Любов як одна із визначальних екзистенційних категорій не є проблемою. Проблема полягає у відсутності любові. У сучасному філософському дискурсі категорія любові зазнає дедалі більшої популяризації, яка зумовлена втратою любові свого визначення як феномену. Любов, що

сьогодні стає одним із «дешевих, легкодоступних товарів», мислиться як проблема, втрачаючи своє метафізичне підґрунтя. Актуальність дослідження любовної тематики обумовлена потребою філософського переосмислення феномену любові. Любов, яку Платон визначав як творчий потяг до божественного, трансцендентного, має знову набути свого метафізичного змісту. Щедру грань актуальності забезпечує наше українське сьогодні: в час не проголошеної війни екзистенційні категорії набувають особливого значення. Феномен любові, що екстраполює до таких категорій як милосердя, рівність, жертвовність і веде до міжособистісного діалогу, є кондуктором суспільного поступу.

Поряд із Сьореном К'еркегором, любовній тематиці присвятили свої твори такі філософи екзистенційної філософії як Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Сімона де Бовуар, Габріель Марсель, Микола Бердяєв та інші. Свій внесок у філософію любові зробили такі сучасні філософи як Паскаль Брюкнер, Ален Бадью та Віктор Малахов. Ян Ключовський, провів ґрунтовний філософський аналіз концепції любові Франца Розенцвайга, здійснивши свій вклад у розвиток філософії любові. В контексті любовної проблематики провідне місце займає Дені де Ружмон як мислитель любові.

«Афродіта земна» к'еркегорівського естетика.

Чи може «стояти осторонь» від любові естетик? Той вишуканий поціновувач прекрасного, який зваблення вважає своїм обов'язком, кожного разу вишукує нову жертву для своїх тенет любові. Кожного разу спілітає ті тенета із ниток поезії, музики, театрального мистецтва, віртуозно сміюючи ними по почуттєвості молодого дівочого серця. Справа любові, де чуттєвість поневолює розум, пристрасть оволодіває думками, бажання викликають безсоння, одразу стає справою к'еркегорівського естетика. Він прагне втамувати свій голод, задовольнити бажання, прагне сновидіння, яким є для нього любов, про що стверджує автор в «Афоризмах Естетика».

Два типи любові. У лірично-філософському трактаті «Повторення» з'являється інший персонаж із палітри естетиків «данського Сократа». Любовну ситуацію закоханого меланхоліка Сьорен К'еркегор бере як поле, на якому з'являється імпульс його філософської рефлексії над *категорією повторення*. Звідси, філософ визначає два типи любові: *любов-повторення* – «...єдина істинною щаслива любов» [7, с. 31]; та *любов-спогад*, що робить людину нещасливою (переживається як спогад і в сутності своїй віддалений від реального об'єкту любові). Беручи свій початок із втрати (спогад завжди показує те, що зникло, що позаду нас), любов-спогад як відбування того, що вже відбулось, впевнена в собі, бо їй втрачати більше немає що. Любов-спогад – пасивна дія – відбування того, що вже відбулось; визначеність, яка потребує лише відтворення, а разом з тим, вона є гарантом того, що «все було добре». Любов-спогад не має розвитку, а тому позбавлена ризику, констатує майбутнє і теперішнє із вихідної, сталої точки минулого: «все було добре» є і буде.

Виняток і загальне. На сторінках «Повторення» має місце боротьба між винятком, із одного боку і загальним, за якого виняток отримує силу і міцність. Ця боротьба носить суто діалектичний характер: «виняток має на увазі і загальне; в той час, як продумує сам себе, впливає і на загальне, і на себе, прояснює загальне, прояснюючи сам